

Е. В. Смирнова

НАКАЗАНИЕ: ОТ КАРАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ К ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ

В статье рассматриваются понятия уголовной ответственности и наказания в историческом разрезе.

Ключевые слова: уголовная ответственность, эволюция уголовной ответственности.

E. V. Smirnova

PUNISHMENT: EVOLUTION FROM THE PENAL MODEL TO THE RECOVERING ONE

The article focuses on the concepts of criminal responsibility and punishment in the historical context.

Keywords: criminal responsibility, evolution of criminal responsibility.

Наказание — это основная форма уголовной ответственности. Понятие уголовной ответственности всю историю права находится в центре научной мысли, и, пожалуй, споры о ней не стихают до сих пор, а сама сущность этого института не оставляет равнодушными как опытных практиков и теоретиков, так и простых граждан. Не смотря на это до настоящего времени не существует единой концепции и единого понятия уголовной ответственности (как и юридической ответственности в целом). Вопрос о том, что представляет собой уголовная ответственность, является одним из наиболее спорных в уголовно-правовой теории. Во все времена и на всех этапах развития законодательства исследователи уделяли максимум внимания развитию и истории данного института. Актуальность исследования подтверждает тот факт, что всего лишь за последнее десятилетие законодательная позиция по данному вопросу постоянно корректируется вносимыми изменениями. Произошедшие изменения в позиции законодателя за последние сто лет и вовсе можно назвать кардинальными. Но обо всем по порядку.

Для лучшего понимания рассматриваемого вопроса необходимо дать определение этому фундаментальному понятию. Автор не вступает в научную дискуссию по данному поводу, так как исследование феномена уголовной ответственности лежит за рамками настоящей работы и

затрагивается им лишь с позиции объективного рассмотрения истории развития института возмещения причиненного преступлением вреда, который является неотъемлемой частью юридической ответственности в целом и уголовной ответственности, в частности. Необходимо указать, что действующее законодательство России, как и законодательство многих зарубежных стран, не раскрывает понятия уголовной ответственности. Само слово «ответственность» является в русском языке относительно новым. В обиходном языке и в литературе слово «ответственность» впервые появилось в первой половине XIX в., а к концу века оно стало общеупотребительным. Толковый словарь В. И. Даля (вторая половина XIX в.) не дает это слово в качестве определяющего (коренного) и упоминает его лишь вскользь как производное от слов «отвечанье» и «ответ». С точки зрения этимологии оно связано со словами «ответ» и «ответчик» и появилось в русской речи в результате нормальной для многих «литературизации» выражения «дать ответ». Как термин «ответственность» появился в лексиконе юристов ориентировочно до 20-х годов XX в., но его значение долгое время не носило специального юридического смысла. Он использовался в собирательном смысле, не имел четких границ [1].

Остановимся на определении уголовной ответственности, данном в учебной литературе. Итак, уголовная ответственность — это

предусмотренные законом негативные последствия, налагаемые судом на лицо, совершившее преступление, выраженные в самом факте осуждения и судимости, сопряженного с наказанием и судимостью [2]. Уголовная ответственность наступает при наличии предусмотренных уголовным законом условий. Уголовная ответственность носит публичный характер, т. е. субъектом привлечения лица к уголовной ответственности выступает государство [3].

Гибкость в отнесении тех или иных деяний в различные исторические периоды к разряду преступлений, а также, наоборот, их декриминализация, установление критериев отнесения преступлений к различным категориям, а также установление различных видов наказания, определение его количественных и качественных пределов, назначаемых за совершение конкретного преступления, составляют суть уголовной политики государства. По мнению И. А. Исмаилова, уголовная политика является частью социальной политики, осуществляемой государством, отличающейся от других ее сфер объектом, на который она призвана воздействовать — на преступность [4]. Соответственно, рассмотрение уголовной политики, как составной части политики государства позволяет увидеть принятые обществом в тот или иной период времени и возведенные законодателем в ранг охраняемых государством приоритеты и ценности.

А. И. Санталов, М. С. Строгович и ряд других ученых утверждают, что при совершении преступления преступник нарушает две обязанности: гражданско-правовую и уголовно-правовую, за что привлекается как к уголовной ответственности, так и к гражданско-правовой [5]. Данная позиция имеет принципиальное значение для последующего изложения. Природа (сущность) ответственности традиционно связывается с карой, наказанием, с претерпеванием определенных отрицательных последствий, это является сущностной (определяющей) чертой уголовной ответственности.

Кратко рассмотрим эволюцию уголовной ответственности в России. (Указание на уголовную ответственность в *России*, естественно, условно. Автор подразумевает собирательное понятие от истории права Древней Руси до настоящего времени).

Для более быстрого изложения и обоснования вывода автор предлагает условно разделить весь исторический законодательный материал на 5 этапов. За критерий взять направленность законодателя в реализуемой уголовной политике. В связи с тем, что невозможно рассматривать часть без учета целого, все законодательные преобразования будут рассмотрены в контексте преобразований государственных.

1 этап. Древнерусское государство. Отличительной особенностью данного периода является способ регулирования правоотношений, возникающих из совершения преступления, между частными лицами, преступление именуется обидой. Важнейшим законодательным памятником того времени является Русская Правда. Среди наказаний преобладают имущественные, выраженные в уголовном штрафе, часть из которых шла в возмещение ущерба потерпевшему, в связи с чем древнерусское наказание иногда можно спутать с возмещением ущерба. Так, за один из видов убийства предусмотрена вира и головничество, где вира выступает в качестве наказания и идет в пользу князя — государственной власти, а головничество — как возмещение ущерба семье убитого (ст. 1 Русской Правды краткая редакция по Академическому списку) [6]. Таким образом, здесь наличествуют сразу две формы ответственности.

Своеобразное видение этой ситуации имеет американский историк Д. Кайзер. С его точки зрения в Древней Руси вообще не было уголовного права. Всякого рода правонарушения, касающиеся личности или имущества, рассматривались как гражданские и влекли за собой не наказание, а лишь возмещение ущерба потерпевшему. По его мнению, только после XIII в. постепенно на смену гражданской ответственности приходит уголовная, начинается применение наказаний [7], а до XIII—XV вв. на

Руси действовали «горизонтальные» правовые связи, т. е. все уголовные и гражданские дела решались заинтересованными лицами без участия государства [8].

2 этап — самый продолжительный и охватывает периоды централизации государства, сословно-представительной монархии, абсолютизма, становления Российской империи. В этот период наблюдается постепенный «перевод» преступлений из разряда частных дел в разряд публичных, преобладание государственного интереса над частным. Соответственно изменился и термин для обозначения преступления. Вместо обиды оно теперь именуется лихим делом. Наказание приобретает главную цель — устрашение — наказать так, чтобы другим, смотря на это, неповадно было подобное делать. К концу рассматриваемого периода наказание достигнет своего апогея в плане жестокости и изощренности. От уголовной ответственности в данный период не отделена не только гражданско-правовая ответственность, но и церковная, административная, и дисциплинарная, которые содержатся в санкциях статей. За определенные виды преступлений (например, членовредительство) установлены фиксированные суммы (за отсечение уха, руки, ноги и т. д. — 50 рублей) (ст. 10 гл. XXII Соборного Уложения). Общим правилом в тот период было вознаградить обиженного из имущества преступника. В случае несостоятельности преступник отдавался в холопы до отработки долга, исключая приговоренных к смертной казни. Впервые в этот период, как подчеркивает М. Ф. Владимирский-Буданов, требования истца уступают требованиям уголовного закона [9]. Система наказаний постепенно формируется и к концу рассматриваемого периода представляется в виде громоздкой, чрезвычайно сложной, где наказания распределялись по разрядам, разряды — по родам, роды — по степеням. Виды наказаний поражают своей изощренностью, многообразием, применяется беспрецедентный в истории права вид наказания — децимация (повешение каждого десятого по жребию, назначаемое за бегство с поля боя целой воинской части). Смертная казнь

устанавливается простая и квалифицированная (более изощренная), телесные наказания делятся на болезненные и членовредительные. Широко применяется ссылка (на срок и бессрочно) на каторжные работы, заключение в тюрьму.

Каждый из периодов государственных преобразований имеет свои законодательные памятники, которые необходимо упомянуть.

Раннему периоду централизации государства соответствуют Устав князя Владимира Святославовича о десятинах и церковных людях и Устав князя Ярослава Владимировича о церковных судах, датированные XIII—XV вв., которые указывают последствия нарушения норм церковного права. Санкции статей содержат указание сразу на два, а порой и на три вида ответственности — на уголовную, гражданскую и собственно церковно-правовую, выраженные, как правило, в денежном выражении.

Периоду окончательного завершения централизации соответствуют Судебник 1497 г. великого князя Ивана III, Судебник 1550 г. царя Ивана IV и Соборное Уложение 1649 г. За большинство преступлений предусматривалась смертная и «торговая» казнь. Формы смертной казни весьма разнообразны. Торговая казнь состояла в битье кнутом на торговой площади и часто влекла за собой смерть наказуемого, так как число ударов доходило до 400. Законодательство этого периода, определяя суровые наказания, почти во всех случаях обращает внимание на возмещение вреда, нанесенного преступлением «обиженному лицу». Нормы о возмещении содержатся в санкциях статей.

Эпоха абсолютизма соответствует правлению Петра I и находит отражение в Воинском артикуле и Кратком изображении процессов, датированных 1715 г. Законодательно действует принцип «запрещено все, что не разрешено». В этот период широко применяется труд осужденных: на галерах, каторге, постройке гаваней, крепостей, заводов. Целью наказания в ряде случаев является возмещение ущерба, а также возмездие. Смертная казнь, безусловно, предусматривалась в 74 артикулах, в 27 — наряду с другими наказаниями. Наиболее тяжким наказанием было шельмование — лишение всех прав состояния.

В начале XVIII в. Россия становится империей, законодательство кодифицируется в Свод законов Российской империи, который вобрал в себя многие нормы уголовного материального и процессуального права из указанных выше нормативных актов. В области уголовного права действует Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Уложение имело целый ряд указаний, относящихся к вознаграждению за вред, причиненный преступлением, но, тем не менее, вознаграждение вреда, по существу своему, составляло предмет гражданского права. Наиболее тяжкими наказаниями были: лишение всех прав состояния и смертная казнь, лишение всех прав состояния и ссылка на каторгу, либо в Сибирь, либо на поселение на Кавказ.

3 этап является переходным периодом, в который вошла судебная реформа 1864 г. и начало XX в. Автор называет данный период переходным ввиду того, что реализация реформы растянулась на 35 лет. За этот период была осуществлена контрреформа, которая многие из демократических нововведений упразднила и искажила саму суть проводимой реформы. Реформа нашла свое выражение в таких документах, как: Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, наметила либерализацию процесса. Происходит регламентация возмещения за вред и убытки, причиненные преступлением, появляется термин «гражданский истец», регулируются правила обращения с иском. Происходит окончательное разграничение ответственности уголовной и гражданско-правовой.

4 этап. Советское государство. 31 января 1924 г. в связи с образованием Союза Советских Социалистических Республик была утверждена Конституция СССР, в которой понятия «кара», «карательный», «наказание» заменялись словосочетанием «меры социальной защиты» [11]. Среди таких мер: возложение обязанности загладить причиненный вред. Происходит смешение отраслей права, выразившееся в том, что чисто гражданская норма о возложении обязанности загладить причиненный вред, предусмотрена

законодателем как вид наказания. УК РСФСР 1926 г. повторяет данное положение. В стране формируется исправительно-трудовая политика. Широко применяется труд осужденных, только теперь он применяется под идеологией исправления осужденных и именуется общественно-полезным. Тюремь заменяются сетью исправительно-трудовых колоний. Занятия трудом становятся обязательными для всех трудоспособных заключенных (ст. 52 ИТК РСФСР). Задачи возмещения вреда, причиненного преступлением, решались достаточно эффективно за счет масштабности использования труда осужденных, идеологических установок, очередности выплат, установленных нормами ГПК РСФСР 1923 г., ИТК РСФСР 1933 г.

После Великой Отечественной войны складывается отраслевое законодательство. Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г., Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. устанавливают, что материальный ущерб, причиненный преступлением, подлежит возмещению в полном объеме. Гражданский иск мог быть заявлен потерпевшим в уголовном процессе или рассмотрен в порядке гражданского судопроизводства.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. среди видов наказания также называл исполнение обязанности загладить причиненный вред.

Завершающий 5 этап, длящийся по настоящее время, обозначил путь гуманизации в реализуемой уголовной политике, переориентацию на защиту прав и свобод гражданина. Отправным моментом можно считать попытку законодателя оградить частную собственность от преступных посягательств, выразившуюся в принятии 24.12.1990 г. Федерального закона «О собственности в РСФСР», примечательного тем, что государство брало на себя обязанность возмещения вреда, причиненного преступлением, в случае невозможности взыскания непосредственно с виновного. (Не нужно пояснять, что данная позиция так и не была реализована на практике по причине отсутствия бюджетных средств и неготовности к этому всей судебной системы).

12 декабря 1993 г. всенародным голосованием принимается Конституция РФ, провозгласившая человека высшей ценностью государства, а Россию демократическим, правовым государством. Статья 52 Конституции РФ установила, что государство обеспечивает потерпевшим компенсацию причиненного ущерба, данная норма дублируется в статье 42 УПК РФ 2001 г. Возмещение вреда, причиненного преступлением, регулируется разрешением гражданских исков при рассмотрении судами уголовных дел, т. е. за совершение преступления преступник подвергается уголовной и гражданско-правовой ответственности. Принятый в 1996 г. УК РФ предусматривает весьма разнообразную систему наказаний, отличную от предыдущих большим количеством наказаний, альтернативных лишению свободы, таких как: штраф, исправительные работы, принудительные работы, ограничение свободы, арест. УК 1996 г. не только сохранил, но и качественно усилил гуманистический потенциал УК 1960 г. [12]. Возможность использования труда осужденных позволяет законодателю максимально обеспечить право потерпевшего на возмещение причиненного преступлением вреда.

За период с 2003 г. до настоящего времени в УК РФ были внесены многочисленные изменения, последовательно идущие по пути гуманизации, это и декриминализация ряда составов преступлений, и исключение нижних пределов санкций статей, и изменения, касающиеся отнесения тех или иных преступных деяний к различным категориям, что позволило увеличить количество составов преступлений, отнесенных к категории небольшой и средней тяжести и, как следствие, увеличение возможности прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон, деятельным раскаянием. Как указывает В. В. Мальцев, «один из приоритетов современной уголовно-правовой политики — гуманизация ответственности лиц, совершивших, как правило, преступления небольшой или средней тяжести» [13].

Подводя итог сказанному, хочется отметить, что перенесение внимания на фигуру потерпевшего — и тем самым на его проблемы в

связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязанности возмещения вреда, причиненного преступлением — видится глубоко симптоматичным именно сейчас, когда в законодательстве и науке происходит формирование здоровых и адекватных демократическому обществу правовых конструкций. Свойственный для тоталитарных режимов акцент на наказании должен смениться прежде всего бережным отношением к потерпевшему, ибо с ним и его положением надо связывать само существование общества и нормальное развитие социальных отношений. О необходимости совершенствования законодательства в данной области неоднократно упоминал Президент РФ в ежегодном послании Федеральному собранию РФ, указывая, что законодательство должно быть жестким, но в то же время современным и гуманным, а восстановление справедливости посредством правосудия и защита прав потерпевших не должны приводить к пополнению преступного мира большим количеством новых кадров. Президент РФ особо подчеркивал, что санкции за незначительные, малозначительные преступления должны быть по возможности не связаны с лишением свободы [14].

По мнению автора сложившаяся ситуация вполне оправдана, так как применение одного лишь наказания не способно решить в полной мере задачу восстановления социальной справедливости, а призвано ему способствовать. Наказание порождает страх, обиду, желание мести, стремление любыми способами избежать ответственности и еще множество негативных реакций, что ни в коей мере не способствует совершенствованию собственных моральных принципов правонарушителей. В то же время обществу необходимо воспитание гармоничных, добросовестных, способных принять ответственность за свои действия граждан. В этом контексте примечательна экономическая теория преступлений и наказаний, отметившая свое тридцатилетие. Данная теория берет в основание доказанный на практике факт, что в тоталитарных обществах уровень преступности ниже, чем в сопоставимых с ними обществах

демократических. Путем математических вычислений обосновывается вывод о том, что степень наказания и его тяжесть могут взаимозаменять друг друга: назначение тяжких наказаний при низкой раскрываемости преступлений дает такой же сдерживающий эффект, что и назначение слабых наказаний при высокой раскрываемости преступлений. Эмпирические исследования уточняют, что увеличение на 1 % вероятности осуждения сильнее удерживает от преступления, чем увеличение на 1 % тяжести наказания. Это означает, что для потенциального преступника нет разницы между пожизненным заключением или осуждением на 20 лет, поскольку и то и другое реально означает полное разрушение жизни, а вот увеличение самой вероятности осуждения уменьшает число преступлений на 0,5 % [15]. Другой важный аспект экономического анализа судебно-пенитенциарной системы — поиск путей минимизации расходов на ее функционирование. Большинство преступников несут наказание в виде отбывания тюремного заключения; однако это означает, что общество наказывает не только преступника, но и само себя, поскольку заключенный находится на государственном обеспечении, ничего не производя. Г. Беккер, основоположник экономического анализа преступности, полагает, что штрафы эффективнее тюремного заключения, в своих расчетах исходя из общеизвестной житейской мудрости «время — деньги», а также из того, что, как уже упоминалось, сам факт осуждения сдерживает потенциальных преступников сильнее, чем тяжесть наказания [16].

К этому же выводу приходят и современные криминологи, указывая, что интенсивная криминализация в обществе (и не только в нашем) требует критического переосмысления методов борьбы с преступностью путем гармонизации эффективности и гуманности, свободы и безопасности, свободы и необходимости. И это не частные процессуальные решения, а стратегия развития процедуры. Подобное переосмысление уже происходит даже в старых демократических и развитых странах (США, Великобритании и др.) [17].

Таким образом, анализ позиции законодателя свидетельствует о медленном переходе от парадигмы карающе-наказующего правосудия к парадигме восстановительно-реституционного правосудия, что, по мнению автора, наиболее полно соответствует требованиям современного общества.

Список библиографических ссылок

1. Хохлов В. А. О гражданско-правовой ответственности // Правоведение. 1997. № 1. С. 96.
2. Кузнецова Н. Ф. Курс уголовного права. М., 2002. С. 190.
3. Элементарные начала общей теории права: учеб. пособие для вузов // Право и закон / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. И. Червонюка. М.: КолосС, 2003. С. 544.
4. Исмаилов И. А. Уголовная политика как сложная система // Ученые зап. МВ и ССО Азербайджанской ССР. Сер.: Юрид. науки. 1975. С. 14.
5. Строгович М. С. Вопросы теории правоотношений // Сов. гос-во и право. 1964. № 6. С. 56; Санталов А. И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л., 1982. С. 40. Цит. по: Анисимкова Н. В. Возмещение вреда, причиненного преступлением: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты проблемы: дис. ... канд. юр. наук. Ставрополь, 2008. С. 81.
6. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1984. С. 22.
7. Kaizer D. Op. cit. Цитируется по работе: Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1984. С. 22.
8. Kaizer D. The Irowth of Law in Medieval Russia. Princeton University Press. 1980. Цит. по: Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1984. С. 18.
9. Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия. Вып. II. С. 85. Цит. по: Российское законодательство X—XX веков в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1984. С. 68.
10. Бытко Ю. И. Лекции по уголовному праву России. Саратов, 2003. С. 66—67.
11. Информационная база «Консультант Плюс: высшая школа».
12. Мальцев В. В. Уголовный кодекс РФ и права и свободы личности // Защита субъективных прав: история и современные проблемы: материалы II межвуз. науч.-практ. конф. г. Волжский, 11 апреля 2002 г. С. 85. www.volsu.ru/library/docs/00000409.pdf
13. Мальцев В. В. Освобождение от наказания в связи с иной тяжелой болезнью. Законность.
14. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному собранию РФ. Март 2011 г.
15. Eide E. Economics of Crime. Deterrence and the Rational Offender. North-Holland, Amsterdam etc., 1994. P. 156. Цит. по: Латов Ю. В. Экономика вне закона. Очерки по теории и истории теневой экономики. М.: МОНФ, 2001. С. 36.
16. Беккер Г. Преступление и наказание: экономический подход // Истоки. Вып. 4. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. С. 28—90. Цит. по: Латов Ю. В. Экономика вне закона. Очерки по теории и истории теневой экономики. М.: МОНФ, 2001. С. 42.
17. Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ: материалы науч.-практ. конф. 19—20 марта 2002 г. Институт государства и права РАН/информационный ресурс: www.echr.ru